

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности статьи 14¹ Федерального закона «О погребении и похоронном деле» и Положения о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, в связи с жалобой граждан К.И.Гузиева и Е.Х.Кармовой

город Москва

28 июня 2007 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, А.Л.Кононова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, Н.В.Селезнева, А.Я.Сливы, В.Г.Стрекозова, О.С.Хохряковой, Б.С.Эбзеева, В.Г.Ярославцева,

с участием представителей граждан К.И.Гузиева и Е.Х.Кармовой – адвокатов Л.Х.Дороговой и Т.Н.Псомиади, постоянного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации Е.Б.Мизулиной, представителя Совета Федерации – доктора юридических наук Е.В.Виноградовой, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.В.Кротова, полномочного представителя Правительства Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.Ю.Барщевского,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности статьи 14¹ Федерального закона «О погребении и похоронном деле» и Положения о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба граждан К.И.Гузиева и Е.Х.Кармовой на нарушение конституционных прав и свобод статьей 14¹ Федерального закона от 12 января 1996 года «О погребении и похоронном деле» (в редакции Федерального закона от 11 декабря 2002 года № 170-ФЗ) и Положением о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта (утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 20 марта 2003 года № 164, с изменениями, внесенными постановлением Правительства Российской Федерации от 14 июля 2006 года № 425). Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые в жалобе нормативные положения, примененные в делах заявителей.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Ю.Д.Рудкина, объяснения представителей сторон, выступления приглашенных в заседание представителей: от Министерства юстиции Российской Федерации – заместителя Министра юстиции Российской Федерации В.И.Колесникова, от Министерства внутренних дел Российской Федерации – Н.С.Тузлуковой, от Федеральной службы безопасности Российской Федерации – М.Р.Чарыева, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно статье 14¹ Федерального закона от 12 января 1996 года «О погребении и похоронном деле» (в редакции Федерального закона от 11 декабря 2002 года № 170-ФЗ) погребение лиц, уголовное преследование в отношении которых в связи с их участием в террористической деятельности прекращено из-за их смерти, наступившей в результате пресечения данной террористической акции, осуществляется в порядке, установленном Правительством Российской Федерации; тела указанных лиц для захоронения не выдаются, и о месте их захоронения не сообщается.

Исходя из этих предписаний Правительство Российской Федерации постановлением от 20 марта 2003 года № 164 (с изменениями, внесенными постановлением от 14 июля 2006 года № 425) утвердило Положение о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта. В соответствии с названным Положением, распространяющимся на лиц, уголовное преследование в отношении которых в связи с участием в террористической деятельности прекращено из-за их смерти, наступившей в результате пресечения совершенного ими террористического акта (пункт 2), погребение указанных лиц осуществляется по месту наступления смерти специализированными службами по вопросам похоронного дела (пункт 3); определение места погребения осуществляется с учетом ограничений, предусмотренных Федеральным законом «О погребении и похоронном деле» (пункт 4); для осуществления погребения должностное лицо, проводящее предварительное следствие, направляет в соответствующую специализированную службу по вопросам похоронного дела необходимые сопроводительные документы, в том числе копию постановления о прекращении уголовного дела и (или) уголовного преследования в отношении лиц, указанных в пункте 2, а в орган загса по последнему месту постоянного жительства лица – заявление о смерти (пункт 5); специализированная служба по вопросам похоронного дела составляет акт о произведенном погребении, который направляется должностному лицу, проводящему предварительное следствие, и подлежит приобщению к уголовному делу (пункт 8); должностное лицо, проводящее

предварительное следствие, направляет родственникам лиц, указанных в пункте 2, уведомление о том, в какой орган загса им надлежит обратиться за получением свидетельства о смерти (пункт б); родственникам также могут предоставляться копии документа о смерти, выданного медицинской организацией, и акта патолого-анатомического вскрытия (если оно производилось), а также передаваться личные вещи лица, не подлежащие изъятию (пункт 7).

Обратившиеся в Конституционный Суд Российской Федерации граждане К.И.Гузиев и Е.Х.Кармова утверждают, что статья 14¹ Федерального закона «О погребении и похоронном деле» и Положение о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, лишают их права на соблюдение религиозных и ритуальных обрядов в соответствии с национальными обычаями, умаляют достоинство погибших и их родственников, допускают признание лица виновным в совершении преступления без судебной процедуры и тем самым нарушают права и свободы человека и гражданина, гарантированные Конституцией Российской Федерации, в том числе ее статьями 21, 28, 45, 46, 49 и 55.

1.1. Постановлением следователя по особо важным делам отдела по расследованию уголовных дел в сфере федеральной безопасности Главного управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации в Южном федеральном округе от 13 октября 2005 года по факту нападения на здания Министерства внутренних дел Кабардино-Балкарской Республики и нескольких отделов внутренних дел, а также на другие объекты города Нальчика, в результате которого погибли сотрудники правоохранительных органов и гражданские лица, было возбуждено уголовное дело по признакам преступлений, предусмотренных пунктами «е», «з» части второй статьи 105 «Убийство», частью третьей статьи 205 «Терроризм», частью второй статьи 209 «Бандитизм» и статьей 317 «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа» УК Российской Федерации.

В период проведения предварительного расследования заявители по настоящему делу К.И.Гузиев и Е.Х.Кармова в числе других граждан, родственники которых, по данным следствия, принимали участие в террористическом акте и погибли в результате его пресечения, обращались с просьбами о выдаче тел для захоронения, в чем им было отказано Главным управлением Генеральной прокуратуры Российской Федерации в Южном федеральном округе со ссылкой на статью 14¹ Федерального закона «О погребении и похоронном деле». Жалобы заявителей на этот отказ были отклонены Нальчикским городским судом и Верховным судом Кабардино-Балкарской Республики на том основании, что действующим законодательством установлен особый порядок захоронения лиц, чья смерть наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, и что к моменту рассмотрения жалоб производство по уголовному делу не завершено и роль погибших в имевших место преступлениях окончательно не определена. В дальнейшем органы предварительного следствия пришли к выводу о том, что причастность к совершению террористического акта ряда лиц, погибших в ходе отражения нападения, в том числе сыновей заявителей – Р.К.Гузиева и М.Н.Кармова, полностью подтверждена, и в соответствии с пунктом 4 части первой статьи 24 и пунктом 2 части первой статьи 27 УПК Российской Федерации постановлениями от 13 апреля 2006 года уголовное преследование в отношении каждого из них было прекращено в связи с их смертью.

Постановлениями судей Нальчикского городского суда от 5 марта 2007 года и от 28 мая 2007 года, принятыми по жалобам заявителей, указанные постановления следователя признаны незаконными, вынесенными с нарушением принципов состязательности и презумпции невиновности, а на органы прокуратуры возложена обязанность устранить допущенные нарушения. Прокурор города Нальчика, в свою очередь, обжаловал эти судебные постановления в кассационном порядке, и в настоящее время его представления находятся на рассмотрении судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики. Однако, как

следует из представленных в Конституционный Суд Российской Федерации материалов, еще 15 мая 2006 года на основании постановлений следователя о прекращении уголовного преследования в отношении лиц, чья смерть наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, в том числе Р.К.Гузиева и М.Н.Кармова, было принято решение об их погребении, а 22 июня 2006 года их тела кремированы.

1.2. В силу частей третьей и четвертой статьи 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», согласно которым Конституционный Суд Российской Федерации решает исключительно вопросы права и при осуществлении конституционного судопроизводства воздерживается от установления и исследования фактических обстоятельств во всех случаях, когда это входит в компетенцию других судов или иных органов, Конституционный Суд Российской Федерации в настоящем деле не проверяет обстоятельства, связанные с вынесением правоприменительных решений в отношении Р.К.Гузиева и М.Н.Кармова, поскольку такая проверка составляет компетенцию соответствующих судов общей юрисдикции.

Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются, таким образом, взаимосвязанные нормы статьи 14¹ Федерального закона от 12 января 1996 года «О погребении и похоронном деле» (в редакции Федерального закона от 11 декабря 2002 года № 170-ФЗ) и Положения о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта (утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 20 марта 2003 года № 164, с изменениями, внесенными постановлением Правительства Российской Федерации от 14 июля 2006 года № 425), предусматривающие, что погребение лиц, уголовное преследование в отношении которых в связи с их участием в террористической деятельности прекращено из-за их смерти, наступившей в результате пресечения совершенного ими террористического акта, осуществляется в особом порядке специализированными службами по вопросам похоронного дела, а

тела указанных лиц для захоронения не выдаются и о месте их захоронения не сообщается.

2. В Российской Федерации как демократическом правовом государстве человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства; права и свободы человека и гражданина признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации, являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием (статьи 1, 2, 17 и 18 Конституции Российской Федерации).

Право человека быть погребенным после смерти согласно его волеизъявлению, с соблюдением обычаев и традиций, религиозных и культовых обрядов вытекает из Конституции Российской Федерации, ее статей 21, 22, 28 и 29, гарантирующих охрану достоинства личности, право на свободу и личную неприкосновенность, свободу совести и вероисповедания, свободу мысли и слова, мнений и убеждений, и соответствующих общепризнанных принципов и норм международного права, которые в силу статьи 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации являются составной частью правовой системы Российской Федерации и имеют приоритет перед внутренним законодательством.

Так, Конституция Российской Федерации гарантирует каждому свободу совести, свободу вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними (статья 28). Данное положение корреспондирует пункту 1 статьи 18 Международного пакта о гражданских и политических правах, согласно которому каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии, включая свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору и свободу исповедовать свою религию и убеждения как единолично,

так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в отправлении культа, выполнении религиозных и ритуальных обрядов и учений. Аналогичная норма содержится в Конвенции о защите прав человека и основных свобод (пункт 1 статьи 9).

Согласно статье 21 Конституции Российской Федерации достоинство личности охраняется государством (часть 1); никто не должен подвергаться унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию (часть 2). Эти положения корреспондируют предписаниям статьи 1 Всеобщей декларации прав человека, согласно которой все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах, а также статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод о том, что никто не должен подвергаться бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию.

В силу приведенных положений каждый человек имеет право на уважение окружающих, достоинство личности подлежит защите в качестве общего условия осуществления всех иных прав и свобод, независимо от фактического социального положения человека, и предопределяет недопустимость произвольного вмешательства в сферу автономии личности. Охраняя достоинство личности, государство обязано не только воздерживаться от контроля над личной жизнью человека и от вмешательства в нее, но и создавать в рамках установленного правопорядка такой режим, который позволил бы каждому следовать принятым традициям и обычаям – национальным и религиозным. В частности, оно должно гарантировать достойное отношение к памяти человека, т.е. обеспечивать человеку возможность рассчитывать на то, что и после смерти его личные права будут охраняться, а государственные органы, официальные и частные лица – воздерживаться от посягательства на них.

Как вытекает из правовой позиции, сформулированной Конституционным Судом Российской Федерации в Определении от 4 декабря 2003 года № 459-О, права на охрану достоинства личности и на личную неприкосновенность (статья 21, часть 1; статья 22, часть 1,

Конституции Российской Федерации), равно как и право на свободу убеждений (статья 29, части 1 и 3, Конституции Российской Федерации), в том числе, следовательно, убеждений, касающихся обрядов погребения, исключают незаконное воздействие на человека как в физическом, так и в психическом смысле и – поскольку понятием «физическая неприкосновенность» охватывается не только прижизненный период существования человеческого организма – служат необходимой предпосылкой для создания правовых гарантий охраны не только тела умершего человека, но и памяти о нем, достойного отношения к умершему, выражающегося, в частности, в обрядовых действиях по погребению.

Исходя из этого Федеральным законом «О погребении и похоронном деле», регулирующим отношения, связанные с погребением умерших, на территории Российской Федерации каждому человеку после смерти гарантируется погребение с учетом его волеизъявления и пожелания родственников (статья 1). Данный Федеральный закон закрепляет право на отправление обрядов при захоронении тела после смерти человека согласно его пожеланию быть погребенным на том или ином месте, по тем или иным обычаям или традициям, рядом с теми или иными ранее умершими (статья 3, пункт 1 статьи 5), при этом достойное отношение к телу умершего должно выражаться в действиях, полностью соответствующих его волеизъявлению (а при отсутствии такового – согласно воле родственников), если не возникли обстоятельства, при которых исполнение волеизъявления умершего невозможно, либо иное не установлено законодательством Российской Федерации (пункт 2 статьи 5).

3. Предусмотренные рассматриваемыми в настоящем деле нормативными положениями меры применяются в отношении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, преследуемого в соответствии с законодательством Российской Федерации как особо тяжкое преступление против общественной безопасности. Статьей 205 УК Российской Федерации террористический акт определяется как совершение взрыва, поджога или иных действий,

устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях (часть первая). Аналогичным образом террористический акт определяется в пункте 3 статьи 3 Федерального закона от 6 марта 2006 года «О противодействии терроризму» (в редакции Федерального закона от 27 июля 2006 года № 153-ФЗ).

Подтверждая настоятельную необходимость всеми средствами бороться с терроризмом во всех его формах и проявлениях, создающим серьезную и возрастающую угрозу осуществлению прав человека, общественной безопасности, социальному и экономическому развитию государств, снижающим уровень стабильности в мире, Совет Безопасности ООН в Резолюции 1624 (2005), принятой 14 сентября 2005 года на уровне глав государств и имеющей обязательную силу, подчеркивает значимость принятия на национальном и международном уровнях соответствующих мер для защиты права на жизнь. Глобальная контртеррористическая стратегия ООН, принятая Генеральной Ассамблеей ООН (Резолюция 60/288 от 8 сентября 2006 года), призывает государства – члены ООН прилагать усилия к принятию в случае необходимости, в зависимости от обстоятельств и в соответствии с обязательствами по международному праву таких мер, которые требуются для запрещения по закону подстрекательства к совершению террористического акта или актов и недопущения такого поведения (пункт 4 раздела 1 Плана действий).

3.1. Установленные статьей 14¹ Федерального закона «О погребении и похоронном деле» и Положением о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, меры являются, по сути, определенными ограничениями прав и свобод, гарантированных статьями 21 (часть 1), 22 (часть 1), 28 и 29 (части 1 и 3) Конституции Российской Федерации, и как таковые могут признаваться допустимыми лишь при условии, что они отвечают конституционным

критериям, т.е., согласно статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, необходимы в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Из Международного пакта о гражданских и политических правах следует, что право на свободу религии подлежит лишь таким ограничениям, которые установлены законом и необходимы для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц (пункт 3 статьи 18). В соответствии с пунктом 2 статьи 9 Конвенции о защите прав человека и основных свобод право на свободу мысли, совести и религии (а следовательно, свобода соблюдения религиозных и ритуальных обрядов) подлежит лишь таким ограничениям, которые установлены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц.

По смыслу приведенных норм Конституции Российской Федерации и международно-правовых актов, вводимое законодателем ограничение прав и свобод, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, должно отвечать требованиям справедливости, быть необходимым и соразмерным конституционно значимым целям; обеспечивая баланс конституционно защищаемых ценностей и интересов, оно вместе с тем не должно посягать на само существо права и приводить к утрате его основного содержания. Данные требования связывают волю законодателя при введении ограничений прав и свобод, обусловленных в том числе необходимостью борьбы с такой опасной угрозой для человечества, как терроризм.

В соответствии с Резолюцией Совета Безопасности ООН 1624 (2005) от 14 сентября 2005 года и Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 60/158 от 16 декабря 2005 года «Защита прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом» государства в борьбе с терроризмом должны соблюдать обязательства по международному праву, касающемуся прав человека, международному беженскому и гуманитарному праву, и прилагать

усилия по обеспечению уважения и защиты достоинства людей и их основных свобод, а также демократической практики и законности.

Вместе с тем интересы пресечения терроризма, его общей и специальной превенции, ликвидации последствий террористических актов, сопряженных с возможностью массовых беспорядков, столкновений различных этнических групп, эксцессов между родственниками лиц, причастных к террористическим актам, населением и правоохранительными органами, угрозой жизни и здоровью людей, могут обуславливать в определенных конкретно-исторических условиях установление особого правового регулирования погребения лиц, уголовное преследование в отношении которых в связи с участием в террористической деятельности прекращено из-за их смерти, наступившей в результате пресечения террористического акта, как это предусматривается статьей 14¹ Федерального закона «О погребении и похоронном деле». Ее положения логически связаны с содержанием пункта 4 Рекомендации 1687 (2004) от 23 ноября 2004 года Парламентской Ассамблеи Совета Европы «Борьба с терроризмом средствами культуры», в котором подчеркивается, что экстремистская интерпретация элементов той или иной культуры или религии, таких как героическая мученическая смерть, самопожертвование, апокалипсис или священная война, а также светских идеологий (националистических и революционных) также может использоваться для оправдания террористических актов.

3.2. Минимизация информационного и психологического воздействия, оказанного на население террористическим актом, в том числе ослабление его агитационно-пропагандистского эффекта, является одним из необходимых способов защиты общественной безопасности, нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан, т.е. преследует именно те цели, с которыми Конституция Российской Федерации и международно-правовые документы связывают допустимость ограничения соответствующих прав и свобод.

Захоронение лица, принимавшего участие в террористическом акте, в непосредственной близости от могил жертв его действий, совершение

обрядов захоронения и поминовения с отдаванием почестей как символу, как объекту поклонения, с одной стороны, служат пропаганде идей террора, а с другой – оскорбляют чувства родственников жертв этого акта и создают предпосылки для нагнетания межнациональной и религиозной розни.

В конкретных условиях, сложившихся в Российской Федерации в результате совершения серии террористических актов, повлекших многочисленные человеческие жертвы, вызвавших широкий негативный общественный резонанс и оказавших огромное влияние на массовое общественное сознание, выдача родственникам для захоронения тел лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, способна создать угрозу общественному порядку и общественному спокойствию, правам и законным интересам других лиц, их безопасности, в том числе привести к разжиганию ненависти, спровоцировать акты вандализма, насильственные действия, массовые беспорядки и столкновения, что может повлечь за собой новые жертвы, а места захоронений участников террористических актов могут стать местами культового поклонения отдельных экстремистски настроенных лиц, будут использоваться ими в качестве средства пропаганды идеологии терроризма и вовлечения в террористическую деятельность.

При таких обстоятельствах федеральный законодатель был вправе ввести особый порядок погребения лиц, чья смерть наступила в результате пресечения террористического акта, участниками которого они являлись. Такая мера сама по себе допустима, поскольку в сложившихся в Российской Федерации условиях борьбы с терроризмом преследует конституционно защищаемые цели и является необходимой для обеспечения общественного спокойствия и общественной безопасности, охраны общественного порядка, здоровья и нравственности, защиты прав и свобод других лиц.

При этом, однако, реализация особого порядка погребения лиц, указанных в статье 14¹ Федерального закона «О погребении и похоронном деле», не должна приводить к умалению достоинства личности, что предполагает обязанность государства принять необходимые меры для того,

в частности, чтобы погребение осуществлялось в соответствии с обычаями и традициями, а именно посредством предания тел (останков) умерших земле (захоронение в могилу, склеп) или огню (кремация с последующим захоронением урны с прахом), по возможности индивидуально и чтобы этому предшествовало соблюдение всех требований относительно установления личности погибшего (при невозможности – предоставления идентификационных данных), времени, места и причины смерти.

4. Согласно Конституции Российской Федерации каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (статья 49, часть 1); правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом (статья 118, часть 1); каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод (статья 46, часть 1).

Названные конституционные нормы, равно как и конкретизирующие их предписания статей 8 и 14 УПК Российской Федерации, а также нормы пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 2 части первой статьи 27 данного Кодекса, предусматривающие обязательность прекращения уголовного дела или уголовного преследования ввиду смерти подозреваемого или обвиняемого, за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего, не позволяют следователю признавать виновным лицо, уголовное дело или уголовное преследование в отношении которого прекращается в связи с его смертью. В таком случае вынесенное следователем постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования не подменяет собой приговор суда и, следовательно, не является актом, которым устанавливается виновность умершего в том смысле, как это предполагается статьей 49 Конституции Российской Федерации.

Исходя из приведенной правовой позиции, сформулированной Конституционным Судом Российской Федерации применительно к нормам, регламентирующим прекращение уголовного дела, в Постановлении от 28

октября 1996 года № 18-П и Определении от 11 июля 2002 года № 205-О, особый порядок погребения и отказ в выдаче тел лиц, уголовное преследование в отношении которых в связи с их участием в террористическом акте прекращено из-за их смерти, введенные статьей 14¹ Федерального закона «О погребении и похоронном деле» и Положением о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, по своей природе не могут расцениваться как уголовно-правовая санкция, назначаемая по приговору суда.

Такой порядок погребения, применяемый исключительно в отношении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения их действий, преследуемых по уголовному закону как особо тяжкое преступление, по существу, выступает в качестве специальной превентивной меры по предотвращению терроризма, использование которой сопряжено с определенным ограничением права на погребение в соответствии с религиозными и ритуальными обычаями и традициями, гарантированного Федеральным законом «О погребении и похоронном деле» и находящегося под защитой Конституции Российской Федерации (статья 17, часть 1; статьи 21, 22 и 28; статья 29, части 1 и 3; статья 46; статья 55, часть 3), а также Конвенции о защите прав человека и основных свобод (статьи 6 и 9) и Международного пакта о гражданских и политических правах (статьи 14 и 18).

Вместе с тем рассматриваемые в настоящем деле нормативные положения ставят отказ в выдаче тел и применение особого порядка погребения лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, в непосредственную зависимость от результатов уголовного преследования в отношении этих лиц, т.е. связывают наступление указанных последствий с наличием доказательств, полученных в ходе расследования по уголовному делу и подтверждающих участие лица в совершении террористического акта – действий, преследуемых по уголовному закону.

Этим обуславливается необходимость предоставления заинтересованным лицам конкретных гарантий, которые позволяли бы

защитить честь и достоинство личности в случаях их умаления, в том числе предоставление возможности обжалования в судебном порядке соответствующих действий (бездействия) и решений следователя и прокурора, включая постановления об отказе в возбуждении уголовного дела или о его прекращении, а равно иных решений и действий (бездействия), которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам, что позволило бы реализовать в полном объеме закрепленное статьей 46 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации право на судебную защиту как гарантию всех других конституционных прав и свобод и тем самым обеспечивало бы эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости.

4.1. Конституционный Суд Российской Федерации, рассматривая вопросы, связанные с обеспечением права на защиту в уголовном судопроизводстве, сформулировал правовые позиции, в соответствии с которыми ограничение права на судебное обжалование действий и решений, затрагивающих права и законные интересы граждан, на том лишь основании, что эти граждане не были признаны в установленном порядке участниками производства по уголовному делу, нарушает конституционное право на судебную защиту; обеспечение гарантируемых Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, включая право на судебную защиту, обусловлено не формальным признанием лица тем или иным участником производства по уголовному делу, а наличием определенных существенных признаков, характеризующих фактическое положение этого лица как нуждающегося в обеспечении соответствующего права (постановления от 23 марта 1999 года № 5-П и от 27 июня 2000 года № 11-П, определения от 22 января 2004 года № 119-О и от 21 декабря 2004 года № 465-О).

Именно такой подход нашел отражение в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, предоставляющем право обжалования действий (бездействия) и решений органов и лиц, осуществляющих предварительное расследование, прокурора и суда не только участникам

уголовного судопроизводства, но и иным лицам – в той части, в какой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы (статьи 19, 123–127).

4.2. По смыслу статьи 14¹ Федерального закона «О погребении и похоронном деле» и Положения о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, во взаимосвязи с пунктом 4 части первой статьи 24 и пунктом 2 части первой статьи 27 УПК Российской Федерации, вынесенное в связи со смертью соответствующего лица постановление следователя о прекращении уголовного дела о преступлении, предусмотренном статьей 205 УК Российской Федерации, влечет не только прекращение уголовного преследования в отношении этого лица, но и отказ в выдаче его тела родственникам и применение особого порядка захоронения, т.е. специальных мер, ограничивающих конституционные права и свободы.

Обеспечивая по жалобам лиц, чьи интересы затрагиваются таким постановлением, защиту их прав и свобод, суд – в силу статьи 46 Конституции Российской Федерации, предполагающей не только право каждого на обращение за защитой своих прав и свобод в судебном порядке, но и обязанность суда рассмотреть заявленные требования по существу, – должен проверить законность и обоснованность принятого следователем решения, наличие доказательств участия лица в террористическом акте, установить отсутствие реабилитирующих оснований для прекращения уголовного дела и тем самым оценить правомерность применения вытекающих из этого решения ограничительных мер. При этом суд обязан исходить из необходимости обеспечения заинтересованным лицам гарантируемых Конституцией Российской Федерации доступа к правосудию и судебной защиты в полном объеме с учетом предписаний статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, как она понимается Европейским Судом по правам человека. До вступления принятого судом решения в законную силу тела (останки) погибших не могут быть погребены.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьей 6, частями первой и второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать не противоречащими Конституции Российской Федерации взаимосвязанные нормы статьи 14¹ Федерального закона от 12 января 1996 года «О погребении и похоронном деле» (в редакции Федерального закона от 11 декабря 2002 года № 170-ФЗ) и Положения о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта (утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 20 марта 2003 года № 164, с изменениями, внесенными постановлением Правительства Российской Федерации от 14 июля 2006 года № 425), поскольку в системе действующего правового регулирования предусмотренные ими ограничительные меры в сложившихся в Российской Федерации условиях борьбы с терроризмом применяются исключительно к лицам, уголовное преследование в отношении которых прекращено из-за их смерти, наступившей в результате пресечения совершенного ими террористического акта, и необходимы для охраны общественной безопасности, общественного порядка, здоровья и нравственности, для защиты прав и свобод других лиц.

Данные нормы, по своему конституционно-правовому смыслу, предполагают возможность обжалования в судебном порядке постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении принимавших участие в совершении террористического акта лиц в связи с их смертью и, соответственно, обязанность суда рассмотреть такую жалобу по существу, т.е. проверить законность и обоснованность постановления, содержащихся в нем выводов об участии этих лиц в террористическом акте, установить отсутствие реабилитирующих оснований для прекращения уголовного дела и тем самым – правомерность применения указанных

ограничительных мер; до вступления решения суда в законную силу тела (останки) погибших не могут быть погребены; соответствующие государственные органы и должностные лица обязаны принимать необходимые меры для того, чтобы погребение производилось с соблюдением обычаев и традиций, в частности посредством предания тел (останков) земле (захоронение в могилу, склеп) или огню (кремация с последующим захоронением урны с прахом), по возможности индивидуально, и чтобы этому предшествовало соблюдение всех требований относительно установления личности погибшего (при невозможности – предоставления идентификационных данных), времени и места смерти, причины смерти.

2. Конституционно-правовой смысл статьи 14¹ Федерального закона «О погребении и похоронном деле» и Положения о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, выявленный Конституционным Судом Российской Федерации в настоящем Постановлении, является общеобязательным и исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

Это не освобождает федерального законодателя от обязанности по отпадении условий, вызвавших введение мер, предусмотренных названными нормативными положениями, своевременно внести – в соответствии с требованиями Конституции Российской Федерации и с учетом настоящего Постановления – необходимые изменения и дополнения в регулирование порядка захоронения лиц, уголовное преследование в отношении которых в связи с совершением ими террористического акта прекращено из-за их смерти, наступившей в результате пресечения совершенного ими террористического акта.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Согласно статье 78 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете» и «Собрании законодательства Российской Федерации». Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 8-П

**МНЕНИЕ
СУДЬИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Г.А.ГАДЖИЕВА**

Соглашаясь с выводом о необходимости конституционно-правового истолкования оспоренных правовых норм, считаю, что мотивы принятого решения должны быть иными.

1. Невыдача тел лиц, уголовное преследование в отношении которых в связи с их участием в террористической деятельности прекращено из-за их смерти, наступившей в результате пресечения данной террористической акции, представляет собой ограничительную меру. Безусловно, такого наказания, как невыдача трупов, нет в главе 9 УК Российской Федерации. Следовательно, эта ограничительная мера не может рассматриваться как мера уголовного наказания. По своей природе мера, предусмотренная оспоренными нормами, представляет собой запрет или изъятие из общего порядка погребения умерших, установленного Федеральным законом "О погребении и похоронном деле".

Этот запрет предполагает анонимность захоронения. По своей юридической природе данная мера носит административно-правовой характер. Одно только то, что норма о невыдаче трупов террористов содержится в Законе о погребении и похоронном деле, не относящемся к законам, определяющим порядок уголовного судопроизводства (статья 1 УПК Российской Федерации), означает, что это не мера процессуального принуждения (главы 12–14 УПК Российской Федерации). Установление ее отраслевой принадлежности имеет значение для определения природы юридической процедуры, возникающей при обжаловании этой меры.

Если ограничиться только утверждением, что рассматриваемая мера является "определенным ограничением прав и свобод" (пункт 3.1 мотивировочной части Постановления), что это "специальные меры" (пункт 4.2 мотивировочной части Постановления), то трудно понять, какова природа той судебной процедуры, в рамках которой возможно оспаривание принятого следователем или прокурором решения о невыдаче трупа.

2. В пункте 4 мотивировочной части постановления Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу подчеркивается необходимость предоставления возможности обжалования в судебном порядке соответствующих действий (бездействия) и решений следователя и прокурора, включая постановления об отказе в возбуждении уголовного дела или о его прекращении и *равно иных решений и действий (бездействия)*, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам.

Порядок обжалования процессуальных решений определяется правилами главы 16 УПК Российской Федерации. Его статья 125 регламентирует судебный порядок рассмотрения жалоб участников уголовного судопроизводства на постановления дознавателя, следователя, прокурора об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные их решения и действия (бездействие), которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства.

Во втором абзаце пункта 1 резолютивной части Постановления указывается, что оспоренные нормы, по своему конституционно-правовому смыслу, предполагают возможность обжалования в судебном порядке постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении принимавших участие в совершении террористического акта лиц в связи с их смертью. Однако в абзаце 6 пункта 4 мотивировочной части обращается внимание на возможность обжалования в судебном порядке не только постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела или о его прекращении, но и *иных решений* и действий (бездействия).

В связи с этим необходимо обратить внимание на особенность судебной процедуры, протекающей по правилам статьи 125 УПК Российской Федерации. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно высказывался о формах и содержании судебного контроля за решениями и действиями следователя в ходе досудебного производства. Последующий судебный контроль, но в рамках досудебного производства, согласно правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации, означает, что при рассмотрении жалобы подлежит проверке законность и обоснованность действий (бездействия) и решений следователя (дознавателя) и прокурора. При этом под законностью следует понимать соблюдение всех норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок принятия решения или совершения соответствующего действия следователем (дознавателем), прокурором, а под обоснованностью – наличие в представленных материалах сведений, которые подтверждают необходимость принятых решений и совершенных действий.

Проверяя законность и обоснованность решений и действий дознавателя, следователя, прокурора, судья не вправе входить в обсуждение вопроса о виновности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве.

Естественно, эта судебная процедура не имеет ничего общего с административно-процессуальной процедурой производства по делам об оспаривании решений, действий должностных лиц (глава 25 ГПК Российской

Федерации). В этой процедуре рассматривается *спор* (часть первая статьи 254 ГПК Российской Федерации) и судом принимается решение. В соответствии с частью четвертой той же статьи суд вправе приостанавливать действие оспариваемого решения до вступления в законную силу решения суда.

Поскольку в абзаце шестом пункта 4 мотивировочной части Постановления допускается возможность обжалования в судебном порядке не только постановления об отказе в возбуждении уголовного дела или о его прекращении, но и "иных решений и действий", то это означает, что невыдача трупов может рассматриваться как отдельное административно-правовое правоприменительное решение следователя, которое может быть оспорено в суде в порядке административного судопроизводства. При этом в рамках этой самостоятельной судебной процедуры суды должны проверять обоснованность применения такой административной меры, как невыдача трупа, влекущая анонимное захоронение. Тем более что в имеющихся в материалах дела постановлениях следователя о прекращении уголовного преследования в отношении Р.К.Гузиева и М.Н.Кармова не предусматривается применение такой меры, как невыдача трупов.

В этих условиях отказ в выдаче трупов выступает как мера *административного характера*, которая имеет превентивные цели и в то же время является определенным ограничением основных прав, гарантированных Конституцией Российской Федерации согласно общепризнанным принципам и нормам международного права (статья 17, часть 1; статьи 21 и 28; статья 29, части 1 и 3; статья 46; статья 55, часть 3) и находящихся под защитой Конвенции о защите прав человека и основных свобод (статьи 6 и 9). В связи с этим сама по себе возможность применения указанной меры допустима, поскольку она установлена федеральным законом, преследует конституционно защищаемые цели в соответствии с Конституцией Российской Федерации (статья 55, часть 3) и признаваемыми ею международно-правовыми стандартами и необходима в Российской Федерации как правовом и демократическом государстве для обеспечения

интересов общественного спокойствия, охраны общественного порядка, здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц.

В силу правовой природы и предназначения данной меры содержащие ее нормативные положения – по их конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи со статьями 21, 28, 29 (части 1 и 3) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, а также со статьей 9 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, – не могут носить безусловный характер и истолковываться как подлежащие применению по одному лишь такому основанию, как выявленный в ходе уголовного преследования факт участия лица в террористической деятельности. Отказ в выдаче тел и применение особого порядка захоронения, т.е. ограничений, предусмотренных оспариваемыми положениями, может иметь место, когда это необходимо в интересах общественной безопасности и общественного спокойствия, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц, в том числе в случаях, если выдача тел лиц, причастных к совершению террористических актов, с большой долей вероятности может привести к разжиганию ненависти, межнациональной и религиозной розни, спровоцировать акты вандализма, насильственные действия, массовые беспорядки и столкновения, в том числе на почве так называемой кровной мести, что может повлечь за собой новые жертвы, если захоронения таких лиц могут стать местами культового поклонения отдельных экстремистски настроенных категорий лиц, а также могут быть использованы ими в качестве средства пропаганды идеологии терроризма и вовлечения в террористическую деятельность, а также если труп в силу физического состояния (например, радиационное заражение) представляет опасность для здоровья окружающих.

Определять, необходимо ли применение предусмотренной статьей 14¹ Федерального закона "О погребении и похоронном деле" соответствующей меры, влекущей ограничение прав конкретных лиц, должны уполномоченные государственные органы и их должностные лица. С учетом того, что

положения статьи 14¹ Федерального закона "О погребении и похоронном деле" и пункта 5 постановления Правительства Российской Федерации от 20 марта 2003 года № 164 ставят возможность отказа в выдаче тел и применения особого порядка захоронения в зависимость от установления факта участия лиц в террористическом акте, т.е. связывают наступление этих последствий с проведением определенных процессуальных действий, выявлять вероятность возникновения обстоятельств, вызывающих необходимость применения указанной меры, должны те государственные органы, которые осуществляют расследование.

Поэтому в случае, если соответствующие правоохранительные органы, констатировав в результате проведенного предварительного следствия факт совершения террористической акции и причастность к ней лица, уголовное дело (уголовное преследование) в отношении которого прекращено в связи с его смертью, наступившей в результате пресечения совершенного им террористического акта, придут к выводу, что выдача тела этого лица его родственникам для захоронения способна создать угрозу общественному порядку и общественному спокойствию, здоровью или нравственности, правам и законным интересам других лиц, их безопасности, они вправе вынести решение об отказе в выдаче тела и о применении особого порядка захоронения.

При этом в случае отказа выдать тело лица, чья смерть наступила в результате пресечения совершенной им террористической акции, принимающие решение о его захоронении органы должны обеспечить соблюдение всех требований относительно установления личности погибшего, времени и места смерти, причины смерти, указания места погребения и данных, необходимых для опознания могил (определенная территория, номер). Захоронение должно быть произведено с участием родственников с соблюдением обычаев и традиций, а также гуманитарных правил уважения к мертвым. Административные власти правового государства должны уважать культурные ценности мультинационального общества, передаваемые из поколения в поколение.

Иное истолкование оспариваемого положения статьи 14¹ Федерального закона от 12 января 1996 года "О погребении и похоронном деле" и пункта 5 постановления Правительства Российской Федерации от 20 марта 2003 года № 164 означало бы возможность применения несоизмеримых ограничений, притом в ненадлежащем порядке, и тем самым приводило бы к нарушению прав и свобод, гарантированных статьями 21, 28, 29 (части 1 и 3), 46 (части 1 и 2), 55 (часть 3) и 118 (часть 1) Конституции Российской Федерации, а также ее статей 15 (часть 4) и 17 (часть 1), поскольку одновременно нарушались бы статьи 3, 6 и 9 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, что недопустимо.

**ОСОБОЕ МНЕНИЕ
СУДЬИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ А.Л.КОНОНОВА**

Право издавна считалось искусством добра и справедливости. Представляется, что моральные основания и этические принципы являются главным и неопровержимым критерием правомерности всякого закона. В данном деле они были безнадежно нарушены.

Оспариваемые нормы, запрещающие выдачу родственникам тел погибших и устанавливающие анонимность их захоронения, являются, по нашему мнению, абсолютно аморальными, отражающими самые дикие, варварские и низменные представления прошлого.

Об этом ярко свидетельствуют те весьма откровенные мотивы, которые приводились в защиту закона в Государственной Думе, СМИ и даже нашли отражение в настоящем процессе: об оправданности отказа от гуманности и принятых стандартов в обращении с личностью, о необходимости адекватной террору жестокости и бесчеловечности, о пользе демонстративного устрашения с помощью трупов врагов, об обоснованности расплаты семей погибших за родство с ними и требования «оставить их без памяти и всего

остального», отсылки к «традициям» сталинских репрессий или восточному опыту зашивания трупов в свиные шкуры и т.п.

Едва ли требует особого обоснования или даже письменного закрепления в законе право каждого человека быть похороненным достойным образом в соответствии с традициями и обычаями его рода. Это право, очевидно, и вытекает из человеческой природы как, может быть, никакое другое из естественных прав. Столь же естественно и бесспорно право каждого осуществить погребение родного и близкого ему человека, иметь возможность проявить свой моральный долг и человеческие чувства, проститься, скорбеть, оплакивать и поминать умершего, каким бы он ни был для общества и государства, иметь право на могилу, которая во всех цивилизациях представляет сакральную ценность и символ памяти.

Надругательство над телами умерших и осквернение мест захоронения недаром признается преступлением против общественной нравственности и преследуется в уголовном порядке (статья 244 УК Российской Федерации).

Эти права слишком чувствительны, слишком деликатны, слишком приватны, что принципиально не позволяет вмешательство в них государства, их правовую регламентацию и тем более ограничения их в публичных интересах. Законодатель может устанавливать лишь санитарные и экологические требования к местам погребения, что вполне объяснимо, но не может затрагивать эмоциональную или моральную сторону самого обряда, который представляется сугубо личным делом каждого.

В Постановлении Конституционного Суда есть рассуждения, с которыми нельзя не согласиться. Очень хочется даже полностью воспроизвести их в особом мнении, поскольку они и составляют конституционную основу тех прав, которые призван и должен был бы защитить Конституционный Суд.

Это, прежде всего, – высшая ценность прав и свобод человека, которая определяет смысл, содержание и применение законов (статья 2 Конституции Российской Федерации).

Это – неотъемлемое право на свободу мысли, совести и религии (статья 28), из которого, во взаимосвязи с принципами и нормами международного права, вытекает, по мнению Конституционного Суда, право каждого человека в соответствии с его волеизъявлением быть погребенным после смерти в соответствии с традициями и обычаями, религиозными и культовыми обрядами. Добавим, что Всеобщая исламская декларация прав человека 1981 года, провозглашая право на жизнь, устанавливает, что после смерти, как и при жизни, неприкосновенным остается священный статус тела человека. Верующие должны следить за тем, чтобы с телом умершего обходились с должной торжественностью. Аналогично отношение к умершему христианской и других религий.

Это – право каждого на свободу и личную неприкосновенность (статья 22, часть 1), которое, равно как и право на свободу убеждений (статья 29, части 1 и 3), в том числе убеждений, касающихся религиозных и культовых обрядов погребения, исключает незаконное воздействие на человека как в физическом, так и в психическом смысле, причем понятием «физическая неприкосновенность» охватывается не только прижизненный период существования человеческого организма, но и создаются необходимые предпосылки правовой охраны тела умершего человека, необходимых гарантий достойного отношения к умершему, в частности, в обрядовых действиях по погребению. Этот вывод, кстати, напрямую вытекает из позиции Конституционного Суда Российской Федерации в Определении от 4 декабря 2003 года № 459-О, касающемся Федерального закона «О трансплантации органов и тканей человека».

Добавим также, что международные принципы и нормы, так же как и статья 23 (часть 1) Конституции Российской Федерации, требуют от государства уважения к частной жизни человека, невмешательства в его личные чувства, переживания, в его нравственную автономию.

Ссылаясь на гарантированное и охраняемое государством достоинство личности (статья 21) как общее условие осуществления всех иных прав и свобод независимо от фактического социального положения человека,

Конституционный Суд воспроизводит и соответствующий конституционный запрет на бесчеловечное или унижающее достоинство личности обращение или наказание. Это положение представляется ключевым для оценки оспариваемых норм, поскольку уважение достоинства личности является базисным принципом в сфере личных прав и свобод.

Охраняя достоинство личности, утверждает далее Конституционный Суд, государство обязано не только воздерживаться от контроля над личной жизнью и от вмешательства в нее, но и создавать в рамках установленного правопорядка такой режим, который позволил бы каждому следовать национальным традициям и обычаям. Оно должно гарантировать достойное отношение к памяти человека, то есть обеспечивать человеку возможность рассчитывать на то, что и после его смерти соответствующие личные права будут охраняться, а государственные органы, официальные и частные лица – воздерживаться от посягательства на них.

Ну и где это все? Зачем об этом говорит Конституционный Суд, как будто он забыл про фабулу дела и не подозревает о собственной итоговой резолюции? В свете конечного вывода все провозглашенные ценности приобретают пафосно-декларативный, если не сказать издевательский тон, поскольку оправдание запрета на выдачу тел и анонимность их захоронения не оставляет родным и близким умершего никаких личных прав и никакой надежды. Это даже не ограничение или умаление их прав, это полное их отрицание.

Вряд ли их может утешить обязательность сообщения о причинах смерти или гарантированный законом перечень услуг по погребению. Сама анонимность захоронения не предполагает никакого контроля и не гарантирует ни достойного погребения, ни соблюдения каких-либо обычаев и традиций, как это видно из настоящего дела.

Достоинство личности, как оно интерпретируется в европейской правовой традиции, означает, прежде всего, что человек не может быть бесправным объектом государственной деятельности. Это касается не только и не столько уже умершего, но прежде всего его родных и близких. О каком

достоинстве может идти речь, если тело умершего становится даже не объектом, а предметом, вещью, присвоенной государством, позволяющим себе установить на него монополию и распоряжаться им по своему усмотрению? Родственникам погибших при этом предлагается ни много ни мало как вступать с государством в судебный спор по поводу тел их близких, а Конституционный Суд видит свою задачу в том, чтобы защитить это право на судебный иск, который не имеет уже никакого смысла. Конечно, это абсурдно, унижительно и бесчеловечно, тем более учитывая конкретные трагические обстоятельства данного дела, когда тела погибших были тайно кремированы задолго до обращения в Конституционный Суд. Между прочим, ни Конституция Российской Федерации, ни международные нормы по правам человека категорически не допускают **никаких** оснований для умаления достоинства личности.

Женевские конвенции по гуманитарному праву 1949 года закрепляют, в частности, положения об умерших, в основе которых, главным образом, уважение, проявляемое к ним в различных цивилизациях и правовых системах. Конвенции требуют поиска, защиты от осквернения и захоронения погибших во время военных действий в соответствии с ритуалами, предписанными их религией. Стороны должны следить, чтобы могилы лиц, захороненных вследствие вооруженного конфликта, были окружены уважением и за ними производился уход, принимать все меры для облегчения доступа семей к местам захоронений и возвращения в страну их происхождения останков и личных вещей, оставшихся у покойных.

Конституционный Суд вообще не упоминает и игнорирует эти важнейшие международно-правовые нормы, касающиеся рассматриваемой проблемы и дающие однозначный ответ на нее. Вместо этого суд цитирует документ Парламентской Ассамблеи Совета Европы «Борьба с терроризмом посредством культуры», видя в нем «логическую связь» с законом о погребении. Хотя какая тут может быть логическая связь – запрет на выдачу тел для погребения вряд ли можно отнести к средствам культуры.

Отсылая к указанной рекомендации, в которой признается, что апокалипсис или священная война могут использоваться для оправдания террористических актов, Конституционный Суд сам создает апокалиптическую картину катастрофических последствий, к которым якобы может привести выдача родственникам тел погибших и их последующее погребение – создание угрозы общественному порядку и спокойствию, разжигание ненависти, межнациональной и религиозной розни, провоцирование актов вандализма, насильственных действий, массовых беспорядков и столкновений, в том числе на почве кровной мести (хотя мстят, очевидно, за убийство, а не за похороны).

Слабо сказать, что это преувеличение, скорее – чудовищная подмена смысла. Процесс погребения здесь прямо отождествляется с самим террористическим актом, исполнение похоронного обряда – с пропагандой терроризма, а проявление родственной скорби – с террористической идеологией.

Помилуйте, это всего лишь похороны. В чем виноваты отец или мать, когда они просят выдать им тело сына для погребения? Какое бы тяжкое и ужасное преступление он ни совершил, упрек государства к нему заканчивается с его смертью. Современные цивилизованные доктрины уголовного права не допускают ответственности умершего лица, применение наказания к его телу после смерти или перенесения упрека на родных и близких без какого-либо доказательства их реальной вины и намерений. Иное не укладывается в правовое сознание и вообще не предполагает существования презумпции невиновности.

Конституционный Суд признает отказ в выдаче тел и применение особого порядка захоронения специальной мерой принуждения, ограничивающей конституционные права граждан, а представитель Государственной Думы за неимением подобных образцов в законодательстве видит в них аналогию с мерами принудительного характера в отношении невменяемых и несовершеннолетних, что только усугубляет их оскорбительный смысл.

Конституционность ограничения прав и свобод определяется не только целями защиты, но и соразмерностью. Эта мера необходимости ограничения, как она понимается в Конституции Российской Федерации (статья 55, часть 3), международных пактах о правах человека, предполагает правомерность введения ограничения прав и свобод только тогда, когда существует реальная, а не гипотетическая угроза охраняемым благам, когда отсутствует иная возможность регулирования и не может быть обнаружен иной механизм правовой защиты конституционно значимых ценностей. Между тем, никаких доказательств грядущего апокалипсиса нет, а есть лишь слабое предположение, что выдача тел не гарантирует от неблагоприятных последствий.

Заведомо наивно считать запрет на выдачу тел превентивной мерой по предотвращению терроризма, если лиц, решившихся на террористический акт, не останавливает даже угроза их неминуемой гибели. С преступными посягательствами, очевидно, более эффективно бороться средствами уголовного права, а с пропагандой – посредством культуры, как и рекомендует Совет Европы.

Что же касается возможного создания культа погибших, то единственный пример подобного рода из доклада МВД о попытке почитания места гибели Дудаева доказывает только то, что культ можно создавать и без всякой могилы. Это скорее сфера политических спекуляций, а не права. При этом государство продолжает сохранять в центре своей столицы, как считается, в целях общественного согласия, захоронения и памятники виновникам массового геноцида, террора и репрессий в отношении собственных граждан.

Представителем Государственной Думы в процессе было пояснено, что принятие оспариваемых норм было вызвано стремлением избежать в конкретной ситуации выдачи большого количества трупов погибших участников совершения террористического акта и не допустить массового проявления скорби их родных и близких. Вот, очевидно, истинные мотивы законодателя. Кроме того, была признана возможность и иных «более

цивилизованных» способов регулирования и отсутствие каких бы то ни было критериев, способных подтвердить эффективность принятых мер.

В свете этого весьма вероятным выглядит утверждение, что невыдача тел для захоронения по своему смыслу представляется посмертной мстью или карой за совершение актов террора, а за требованием анонимности погребения скрывается ведомственный интерес правоохранительных органов в нежелательности контроля за их деятельностью и сохранении тайны расследования таких дел.

Таким образом, оспариваемые нормы нельзя признать справедливыми и обоснованными ни с моральной, ни с правовой точки зрения.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Б.С.ЭБЗЕЕВА

Конституционный Суд Российской Федерации Постановлением от 28 июня 2007 года признал взаимосвязанные положения статьи 14¹ Федерального закона от 12 января 1996 года «О погребении и похоронном деле» (в редакции Федерального закона от 11 декабря 2002 года № 170-ФЗ) и пункта 5 Положения о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта (утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 20 марта 2003 года № 164), согласно которым погребение лиц, уголовное преследование в отношении которых в связи с их участием в террористической деятельности прекращено из-за их смерти, наступившей в результате пресечения данной террористической акции, осуществляется в особом порядке, установленном Правительством Российской Федерации, а тела указанных лиц для захоронения не выдаются и о месте их захоронения не сообщается, не противоречащими Конституции Российской Федерации.

1. Не могу согласиться с большинством Суда как в части указанного вывода, так и в части, касающейся его аргументации. Полагаю, что

демократия в рамках правового государства, как она закреплена в Конституции Российской Федерации (статья 1, часть 1), требует адекватных средств защиты. При этом несомненно, что масштабный, хорошо организованный и финансируемый терроризм, угрожающий самому существованию государства, устоям общества, правам человека, требует от властей принятия должных, порой весьма суровых, мер по его обузданию. Но столь же несомненно, что в этих условиях особенно возрастает значение конституционных гарантий, соблюдение которых – безусловная обязанность государства, от соблюдения которой оно не может отказаться ни при каких условиях.

Речь при этом не только о том, что взаимосвязанные положения статьи 14¹ Федерального закона «О погребении и похоронном деле» и пункта 5 Положения о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, ограничивают граждан в ряде их прав, на что обращено внимание и в решении Суда (статьи 21, 28 и 45 Конституции Российской Федерации). В той форме, в какой это сделано законодателем, указанные положения вступают в определенное противоречие прежде всего с фундаментальными принципами, на которых зиждется Российская Федерация и которые составляют основы ее конституционного строя, согласно которым недопустимо использование человека, наделенного неотъемлемыми правами и свободами, в качестве средства для достижения целей государства, власти запрещено выходить за пределы конституционной дискреции, а сама она организована и осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную, и т.д. (статьи 2, 3 и 10 Конституции Российской Федерации).

2. Проблема, которую рассматривал Конституционный Суд, – во многом политическая. Причем практика борьбы с этим тягчайшим злодеянием свидетельствует, что интересы пресечения терроризма, его общей и специальной превенции, ликвидации последствий как самих террористических акций, так и контртеррористических операций, сопряженных с возможностью массовых беспорядков, столкновениями

различных этнических групп, эксцессами между родственниками лиц, причастных к террористическим актам, и населением и правоохранительными органами, угрозой жизни и здоровью людей, действительно могут обуславливать для определенных ситуаций установление особого правового регулирования погребения лиц, уголовное преследование которых в связи с их участием в террористической деятельности прекращено из-за смерти, наступившей в результате пресечения террористической акции, в том числе как это предусматривается оспариваемой статьей 14¹ Федерального закона «О погребении и похоронном деле». Полагаю, однако, что такое установление, являющееся изъятием из общего правила, возможно в отношении определенных лиц и в силу прямого веления Конституции Российской Федерации (статья 55, части 1, 2 и 3) допустимо в тех случаях, когда иным способом невозможно реализовать указанные цели.

3. При этом невозможность реализации указанных целей иным способом должна быть лицом, уполномоченным принимать соответствующее решение, доказана в суде, наделенном полномочиями по осуществлению не формального, а эффективного контроля, способного гарантировать от возможного произвола и недопустимо широкого усмотрения или даже элементарной ошибки соответствующего должностного лица. В противном случае судебная защита, право на которую гарантируется каждому (статья 46, части 1 и 2, Конституции Российской Федерации), поскольку суд при рассмотрении дела не исследует по существу его фактические обстоятельства, ограничиваясь установлением только формальных условий применения, превращается в фикцию (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июня 1995 года № 7-П, от 13 июля 1996 года № 14-П, от 28 октября 1999 года № 14-П, от 22 ноября 2000 года № 14-П, от 14 июля 2003 года № 12-П и др.). Указанное требование даже более важно в контексте административного производства о споре, результаты которого имеют решающее значение для определения конституционных прав, поскольку устранение последствий административного акта, по

терминологии Постановления Конституционного Суда «специальных мер, ограничивающих конституционные права и свободы», если такой акт признан судом впоследствии недействительным, становится невозможным, как об этом свидетельствует представленный в Конституционный Суд Российской Федерации Меморандум по жалобе № 384 50/05 «Сабанчиева и другие против Российской Федерации» от 22 мая 2007 года Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека. Судебная власть по своим конституционно-правовой природе и статусу и самому назначению не может и не должна служить «прикрытием» для несанкционированного им административного решения, связанного со столь значимыми для человека юридическими и фактическими последствиями.

4. Обращаю внимание также на спорность утверждений об эффективности установленной оспариваемыми актами превентивной меры, которая, однако, вынужден это констатировать с сожалением, в силу известных причин в полиэтничной и многоконфессиональной стране со сложившимся в течение столетий цивилизационным единством, которое властью не может ставиться под сомнение ни при каких условиях, на индивидуальном уровне и в общественном сознании нередко воспринимается в качестве средства этнорелигиозного устрашения. Во всяком случае сторона, принявшая и подписавшая оспоренные в Суде акты, не привела убедительных доказательств в их пользу, которые не вызывали бы вполне обоснованных сомнений в эффективности самой меры и соразмерности установленных в форме абсолютного запрета ограничений, причем более суровых по отношению к лицам, уголовное преследование в отношении которых в связи с их участием в террористической деятельности прекращено из-за их смерти, наступившей в результате пресечения данной террористической акции, чем, например, к лицам, осужденным за совершение преступления терроризма и умершим в заключении. «Дух умеренности должен быть духом законодателя» (Ш.Л.Монтескье).